

© Е.Е. Иванов

“Основной паремиологический фонд” русского языка и его соотношение с “паремиологическим минимумом”¹

Стары^х люден пословицы не мимо д’бла
“Пок’ести, или Пословицы всенародн’бшыя
по алфавит’у” (рукописный сборник XVII в.)

Экспериментальные методы изучения количественного и качественного состава и других лингвистически значимых характеристик паремиологического состава языка были теоретически разработаны и воплощены на практике в рамках структурной паремиологии [Пермяков 1988]. Наибольшую известность получил “паремиологический эксперимент” Г.Л. Пермякова, в результате которого выяснилось, что максимальный объем наиболее употребимых паремий не превышает 500 единиц [Пермяков 1988, с. 154–166], а минимальное количество общеизвестных русских паремий составляет около 300 единиц [Пермяков 1986].

Эксперимент, как известно, проводился в два этапа. На первом этапе группе информантов было предложено указать неизвестные им выражения из списка 1494 русских паремий, которые можно было бы, по мнению автора эксперимента, отнести к наиболее употребительным в настоящее время. На этом этапе было получено более 300 ответов. В ходе второго этапа эксперимента другой группе информантов (около 100 человек) было предложено уже 538 изречений, подобранных Г.Л. Пермяковым, около 90,0 % которых показали на первом этапе наивысшую степень известности. Однако на этот раз информанты должны были самостоятельно дописать недостающий фрагмент паремии, которая была задана только своей начальной частью. Ср.: *Обещанного – ?...* (= *Обещанного три года ждут*); *Сказано – ?...* (= *Сказано – сделано*); *Тише едешь – ?...* (= *Тише едешь – дальше будешь*) и т. п.

“Паремиологический эксперимент” Г.Л. Пермякова стал впоследствии основанием (прежде всего в рамках лингвострановедческой теории афоризма) для определения состава афористических единиц не только русского языка, но и языка вообще [Верещагин, Костомаров 1990, с. 73].

Лингвистическая значимость “паремиологического эксперимента” состоит не столько в том, что с его помощью удалось определить объем наиболее

¹ Полный текст доклада на XI Международном конгрессе МАПРЯЛ (Варна, Болгария, 16–23 сентября 2007 г.). Сокращенный вариант доклада см. [Иванов 2007].

употребимых русских пословиц, поговорок и других устойчивых речений и вообще решить проблему выявления ядерного состава паремиологического фонда того или иного конкретного языка, сколько в том, что эксперимент дал богатейшие статистические данные и выдвинул множество новых вопросов как в области "социологии пословиц" [Крикман 1995], так и лингвистики афоризма.

Вместе с тем, "паремиологический эксперимент" содержал в себе существенные погрешности и ошибки, которые не позволяют считать его результаты объективными.

Например, отбор исходного паремиологического материала для эксперимента имел субъективный характер, поскольку основным критерием определения объема корпуса исходных паремий выступала языковая компетенция исследователя, а не объективные лингвистические и экстралингвистические факторы (в том числе, что самое главное, и на втором этапе эксперимента даже несмотря на наличие промежуточных результатов, которые были учтены, как уже говорилось, только на 90,0 %).

Кроме этого, место проведения эксперимента было территориально ограничено (только Москвой и Московской областью), а персональный состав информантов не был сбалансирован ни качественно, ни количественно (более 300 участников на первом этапе и только около ста – на втором), что, безусловно, не могло не повлиять на результаты "паремиологического эксперимента".

Столь серьезные нарушения чистоты и широты эксперимента не позволяют распространять его результаты на весь паремиологический состав русского языка, так как степень общеизвестности и распространенности пословиц и поговорок, входящих в "паремиологический минимум" Г.Л. Пермякова, значима только, как справедливо заметил А. Крикман, для "данного региона России" [Крикман 1995, с. 340], и только в отношении той группы носителей языка, которые были избраны информантами. Это легко иллюстрируется примерами общеизвестных русских пословиц, которым не нашлось места в составе выявленного Г.Л. Пермяковым "паремиологического минимума" русского языка. Ср.:

*В чужой монастырь со своим уставом не ходят;
Пар костей не ломит;
Хороша Маша, да не наша* и т. п.

В то же время в состав единиц "паремиологического минимума" вошел ряд сомнительных в отношении своей известности каждому русскому человеку единиц, ср.:

*<Во всем> виноват стрелочник;
Из искры – пламя;*

Нет розы без шипов (или *Розы без шипов не бывает*) и т. п. [Пермяков 1988, с. 155, 156, 158]

В связи с определением паремиологического минимума возникает вопрос о его соотношении со всем корпусом паремиологических единиц. Согласно

мнению Г.Л. Пермякова, “в паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать все типы паремий (с тем, чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции) и все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций”.

И далее: “паремиологический минимум какого-либо языка (народа) — это в миниатюре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т.е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или народа) вообще” [Пермяков 1988, с. 212–213].

Универсализация качеств “паремиологического минимума” не была доказана Г.Л. Пермяковым на надежном эмпирическом материале, что, однако, не лишает ее очевидных и весьма существенных противоречий. В частности, “паремиологический минимум” может и не отражать все возможные структурные и семантические типы паремий в данном языке, поскольку, во-первых, качественно ограничен только языковым материалом, содержательно актуальным в тот или иной период развития языка, а во-вторых, во многом детерминирован экстралингвистическими факторами (культурными приоритетами эпохи, разнообразными социальными и демографическими катаклизмами, сменой мировоззренческих парадигм в обществе и т. п.). По этим причинам “паремиологический минимум” объективно не может, вопреки мнению Г.Л. Пермякова, “иметь основной набор реалий всего паремиологического фонда данного языка”.

Употребительность и эпистемологическая актуальность единиц паремиологического минимума ограничивается только тем или иным периодом исторического развития языка. Поэтому “паремиологический эксперимент” и его результаты соответствуют только одному из возможных подходов к изучению языковой системы — синхроническому. Если же проанализировать корпус пословиц с диахронической точки зрения, то можно выделить определенное количество паремий, значение и лексико-грамматический состав которых не изменялся на протяжении многих столетий и которые активно употребляются теперешними носителями языка. Ср., например, в современном “Словаре русских пословиц и поговорок” (1991) В.П. Жукова и в первом из известных рукописных сборников русских паремий XVII века “Повѣсти, или Пословицы всенароднѣйшыя по алфавитѣ” [Повѣсти, или Пословицы 1899]:

Ворон ворону глаз не выклюет — Воронъ воронѣ глаза не выклюетьъ (405 — здесь и далее согласно принятой в сборнике нумерации);

Где тонко, там и рвется — Гдѣ тонко тамъ и рвется (577);

Дураков не орут, не сеют, а сами рождаются или *Дураков не сеют, не жнут, сами рождаются* — Дѹраковъ ни сѣютьъ ни жнѹтъ сами рождаются (666);

Куда иголка, туда и нитка — Кѹды иголка тѹды и нитка (1270);

Насильно мил не будешь или Силой милому не быть – Насилу милу не быть (1716);

Пьяному <и> море по колена (по колена) – Пьяному и море по калѣна (1896);

С чужого коня среди грязи долой – С чужова коня сере^а грязи долой (2130);

Утро вечера мудренее – Утро вечера мѣдренѣе (2315);

Чему быть, того (тому) не миновать – Чему^у быть того не минуѣть (2606);

Шила (шила) в мешке не утаишь – Шила в мѣху^у не утанѣть (2648) и т. п.

Совокупность таких пословиц можно определить как "основной паремиологический фонд" языка – множество единиц, которые являются наиболее употребимыми, а это значит и эпистемологически актуальными для носителей языка на протяжении долгого времени его функционирования и по сегодняшний день.

Паремиологический минимум и основной паремиологический фонд, таким образом, противопоставляются друг другу на основании глобальной антиномии двух планов анализа языковой системы – диахронического и синхронического [Иванов 2002].

Категориальным признаком единиц "основного паремиологического фонда" следует считать их устойчивость во времени, поэтому главным критерием включения той или иной пословицы в состав "основного паремиологического фонда" будет являться ее фиксация как в наиболее ранних паремиологических собраниях, так и в современных паремиологических справочниках. Так, например, в упомянутых словаре русских пословиц В.П. Жукова [1991] и в сборнике русских паремий XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899] совпадает свыше 200 единиц (см. стр. 261 - 270 настоящего сборника).

При выделении "основного паремиологического фонда" возникают две серьезные проблемы.

Первая из них связана с ограничением встречаемости той или иной паремии в новейших источниках (не ранее второй половины XX века). Ср., например, отсутствие в паремиологическом словаре В.П. Жукова [1991] следующих функционирующих в современном русском языке пословиц, зафиксированных в первом рукописном сборнике русских паремий:

Вода путь найдет ⇔ *Вода путь надетъ* (379);

Где шьют, там и порют ⇔ *Гдѣ шьютъ тамъ и порютъ* (585);

Говорил день до вечера, а слушать нечего ⇔ *Говорилъ день до вечера а слушать нѣчево* (638);

Говори, да не заговаривайся ⇔ *Говори да не проговариванся* (640);

Жить весело, да есть нечего ⇔ *Жить весело да ѣсть нѣчево* (907);

По привету и ответ ⇔ *По привѣту и оѣвѣтъ* (1927);

За что батька, за то и детки ⇔ *За что батко за то и дѣтки* (1111);

Какова пряжа, такова на ней и рубаха ⇔ *Какова пряжа такова на неѣ рѣваха* (1333);

Не только свету, что в окошке ← *Не толко свѣтъу что в окошке* (1650);
Хлопот полон рот <, а перекусить нечего> ← *Хлопотъ полонъ ротъ а перекусить нѣчево* (2410) и т. п.

Однако при этом В.П. Жуков [1991] широко приводит устаревшие пословицы, многие из которых давно вышли из употребления по причине утраты ими своей эпистемологической актуальности, ср.:

Бабы города недолго стоят (устар.) ← *Ба^н города не стоятъ* (187);

Без денег в город – сам себе ворог (устар.) ← *Без^ь денегъ в городъ самъ себѣ ворогъ* (198);

Бездна бездну призывает (устар.) ← *Бездна безднѣ призываетъ* (313);

Нашего горя и топоры не секут (устар.) ← *Нашева горя и топоры не секутъ* (1778);

Не бойся суда, <a> бойся судьи (устар.) ← *Не боися и суда боися съдѣи* (1718);

Разбойник – живой покойник (устар.) ← *Разбойникъ живой поконникъ* (2054);

С сильным не борись, <a> с богатым не судись (устар.) ← *С сильнымъ не борись а з богатымъ не тяжи^т* (2121);

Старую собаку не батькой звать (устар.) ← *Старѣю собаку не баткомъ звать* (2186);

Убогатого (богатому) телята, <a> у бедного (бедному) ребята (устар.) ← *Увогомъ рояята а богатымъ телята* (2304) [1] и т. п.

Отсутствие фиксации той или иной паремии может свидетельствовать как о ее выходе из употребления вообще, так и о ее выходе лишь из активного состава паремиологических единиц языка (полностью либо только из его литературной формы) на данном этапе его исторического развития. Поэтому "основной паремиологический фонд" языка целесообразно описывать в виде полевой структуры, которая в диахронической перспективе имеет ядро и периферию.

Основными источниками языкового материала при определении ядра "основного паремиологического фонда" могут быть только те собрания пословиц, которые являются наиболее репрезентативными как по количеству, так и по принципам отбора единиц, и достоверно отражают состояние языка в разные периоды его истории.

В этом смысле единственный пока фундаментальный лингвистический словарь русских пословиц и поговорок В.П. Жукова [1991] не является в достаточной степени репрезентативным, поскольку в нем несмотря на декларирование последовательного сопоставления каждой современной пословицы с ее формами, зафиксированными в "наиболее авторитетных" паремиологических сборниках, в том числе и в издании "Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч." (1899) П.К. Симони, отсутствует целый ряд параллелей из упомянутого рукописного сборника русских паремий XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]. Ср.:

Береженого <и> бог бережет ← Бере*ливого коня и звѣрь в полѣ не въетъ (342).

В <чистом> поле четыре воли <, хоть туда, хоть сюда, хоть инаково> ← В поле воля (543).

Век живи, век учись <, а дураком помрешь> ← Вѣкъ жить а вѣкъ учитца (436).

Волков (волка) бояться – в лес не ходить ← Боя*ся во*ковъ бытъ вѣ*гри*ковъ (262) или Трѣскѹ воятца и в лѣсъ не ходитъ (2285).

Долго спать, с долгом встать или Долго спать – долг (долгу) наспать или Спать долго – встать (жить) с долгом ← До*го спатъ до*гъ наспатъ (768).

Думы за горами, а беда (смерть) за плечами ← Мы*ль чѣлка за гарамн а смерьть его за плечами (1505).

Жизнь не по молодости, смерть не по старости ← Мло* люди не по *тарости а живѹт онѣ не по млада*ти (1494).

За морем телушка – полушка, да рубль перевоз (перевозу) ← За морямъ карова по деньгн да провозъ дорогъ (1048).

Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой ← Луч*ше хлѣбъ с водою а не пиро*гъ з вѣдою (1439).

Не место красит человека, а человек место ← Мѣсто чѣлка не просвѣтитъ но чѣлка мѣсто (1520).

Незванный гость хуже татарина или Не вовремя (не в пору) гость хуже татарина ← Не званъ гостъ лѣтче и званова (1757).

Новая метла чисто метет ← Новая метелка чистенко мететъ (1643).

Семеро одного не ждут ← Двое о*ново не ждѹтъ (790).

Скрипучее дерево два века живет ← Скрып*чѣе дерево стонъ а *доровое летитъ (2138).

<Хоть> видит око (глаз), да зуб неймет ← Глазъ видитъ да зѹвъ не имѣтъ (566).

Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала ← Ч*ья бы корова мичала а твоя за *вое мо*чала (2586) и т. п.

Показательно в этом смысле игнорирование в словаре В.П. Жукова [1991] ряда вариантов старинных пословиц, помещенных в рукописном сборнике XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899], как правило, отдельно друг от друга. Ср.:

Знать соколъ по полетѹ (1061) к пословице (22, здесь нумерация дается по номеру пословицы в списке на стр. 261 – 270);

У всякова моло*ца своя ѹхватка (2374) к (29);

Через силѹ и конь не скочитъ (2591) к (31);

Красенъ до*гъ платежемъ (1252) к (52);

Овцы бы цѣлы а волки бы сыти (1821) к (66);

По платью встречаютъ а по ѹмѹ провозжаютъ (1921) к (140);

Давно то пропало что с воза ѹпало (663) к (202);

Каково кто с'бяль таково и поже^т (1228) к (201);

Собака лаетъ а владыка ѣдетъ (2129) к (170) и т. п.

Вторая проблема связана с наличием большого числа различных структурных модификаций одной и той же поговорки в разные исторические периоды развития языка. Ср.:

Без соли, без хлеба худая беседа (словарь русских пословиц и поговорок В.П. Жукова [1991]) ← *Бе^з овѣда не красна беседа и Беседа ве^з хлѣба ни пригожа ни угожа* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]);

Горбатого <одна> могила исправит (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Горватаго горб^о исправляетъ* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Горбатаго исправитъ могила, а упрямаго дубина* (сборники И.М. Снегирева [Русскія народныя пословицы 1848] и В.И. Даля [1984, т. 1, с. 244]); *Горбатого могила исправит* (сборник М.А. Рыбниковой [1961, с. 76]);

Друзья познаются в беде (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Другъ вѣренъ в напастехъ понаваетъся* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Другъ познается къ нещастію и Другъ познается при рати, да при бѣды* (сборник И.М. Снегирева [Русскія народныя пословицы 1848]);

Запас кармана (мешка) не трет (не дерет) (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Запасъ мешка не портитъ* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Запасъ бѣды не чинить и Запасъ мѣшку не порча и Запасъ человека не портитъ* (сборник И.М. Снегирева [Русскія народныя пословицы 1848]); *Запас мешка не дерет* (сборник В.И. Даля [1984, т. 2, с. 4]);

Кто в море не бывал, тот <досыта> богу не малывался (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Кто на море не выва^т тот^о от желанія срѣца бѣг^у не малыва^тся* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Кто в море не бывал, тот и горя не видал* (сборник В.И. Даля [1984, т. 1, с. 113]);

Не велик голик, а бане и он царь (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Вѣнникъ в мыл^не всѣмъ господинъ* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Веник в бане всем господин* (сборник В.И. Даля [1984, т. 1, с. 193]);

Пословица не даром (не мимо) молвится (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Стары^к люден пословицы не мимо дѣла* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Старая пословица не мимо молвится* (сборник И.М. Снегирева [Русскія народныя пословицы 1848]); *Пословица недаром молвится и Пословица не на ветер молвится или Старинная пословица не мимо молвится* (сборник В.И. Даля [1984, т. 2, с. 377]);

Против рожна не поперешь (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Истинно не ложно проти^т рожну прат^ь не во^зможно* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Трудно против рожна прать* (сборники И.М. Снегирева [Русскія народныя пословицы 1848] и В.И. Даля [1984, т. 2, с. 270]);

Свет не клином сошелся или Земля не клином сошлась (словарь В.П. Жукова [1991]) ← *Гдѣва земля не клиномъ сошла* (рукописный сборник XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899]); *Перед нами свет не клином сошелся или Свет^о не углом (не клином) сошелся или Тут свет клином сошелся. Стой! белу*

свету край и т. д. (сборник В.И. Даля [1984, т. 1, с. 217, т. 2, с. 53]) и т. п. [2]

Структурные модификации одной и той же поговорки в ее филогенезе следует квалифицировать как диахроническую парадигму при условии неизменности семантики данной единицы на всем протяжении исторического развития языка. Лексико-грамматическая форма поговорок может изменяться, но не достигая того предела, когда нарушается симметрия плана выражения и плана содержания. В противном случае мы имеем дело либо с перефразированной поговоркой, не синонимичной исходной поговорке, либо вообще с двумя генетически разными единицами.

Набор поговорок, которые функционируют в русском языке на протяжении как минимум последних трех столетий, можно рассматривать в качестве ядра «основного паремнологического фонда» русского языка (свыше 200 единиц, совпадающих в словаре В.П. Жукова [1991] и первом рукописном сборнике поговорок XVII века [Повѣсти, или Пословицы 1899], см. список «Пословицы «основного паремнологического фонда» русского языка» в разделе «Материалы» настоящего сборника на стр. 261 – 270).

В составе «паремнологического минимума» Г.Л. Пермякова и единиц ядра «основного паремнологического фонда» русского языка, употребляемых в русском языке с начала XVII века, насчитывается только около 80 совпадений [3].

Если исключить устаревшие поговорки (около 15 единиц), то число поговорок, не претерпевших за последние три столетия структурных изменений, однако не включенных Г.Л. Пермяковым в паремнологический минимум, составит свыше 110 единиц. Среди них немало таких, общеизвестность которых на современном этапе развития русского языка не вызывает сомнений, ср.:

Ворон ворону глаз не выклюет;
Долгие проводы – лишние слезы;
Запас кармана не тянет;
Не зная броду, не суйся в воду;
Пар костей не ломит;
По Сеньке и шапка;
Седина в бороду (в голову), бес в ребро;
Собака лает, ветер носит и т. п.

Таким образом, на примере сравнения наиболее употребляемых русских поговорок в синхронии и в диахронии можно утверждать:

- а) «основной паремнологический фонд» языка является такой же лингвистической реальностью, как и «паремнологический минимум»;
- б) наиболее употребляемые русские поговорки не совпадают в синхронии и в диахронии ни качественно, ни количественно;
- в) только состав «основного паремнологического фонда» в силу своей безусловной объективности может и должен (вопреки мнению Г.Л. Пермякова) содержать «основной набор реалий всего паремнологического фонда данного языка».

Наиболее актуальным в связи с этим в современной паремнологии

видится не столько уточнение способов определения “паремиологического минимума” и его количественных параметров, сколько разработка принципов и методики выделения и описания “основного паремиологического фонда” для каждого языка [Иванов 2002; Иваноў 2006], что представляется исключительно значимым для квалификации паремиологических единиц как части языковой системы, а также сравнительно-исторического и типологического изучения паремий различных языков мира.

Примечания

1. Квалификация В.П. Жуковым некоторых пословиц как устаревших не всегда бесспорна, ср.: *Всяк Еремей про себя разумей* ← *Всякъ Ёремѣи по себѣ разумѣи* (494); *Убабы волос долог, да (а) ум короток* ← *Волосы доґги да умъ коротокъ* (415) или *У бабы волосы доґги а умъ коротокъ* (2371); *Чему посмеешься, тому поработаешь* ← *Чемъ позавндѣшъ томъ и поработаешъ* (2617) или *Чемъ посмѣшся тово и самъ берегнися* (2619) и т. п.

2. Также см. пословицы (1), (2), (3), (8), (9), (10), (12), (14), (18), (19), (22), (23), (25), (26), (30), (40), (41), (47), (48), (50), (51), (52), (58), (59), (60), (62), (63), (66), (69), (71), (74), (79), (82), (83), (84), (86), (87), (89), (92), (97), (101), (103), (104), (105), (107), (109), (110), (112), (113), (116), (118), (119), (120), (123), (125), (127), (130), (144), (145), (146), (148), (155), (156), (162), (165), (176), (177), (184), (190), (192), (193), (194), (199), (201), (204), (205), (206), (208) в списке “Пословицы из состава «основного паремиологического фонда» русского языка” (см. раздел “Материалы” настоящего сборника на стр. 261 – 270).

3. См. пословицы (11), (12), (21), (22), (23), (26), (32), (35), (36), (37), (41), (44), (46), (47), (48), (52), (55), (59), (60), (64), (66), (68), (69), (70), (71), (72), (74), (75), (80), (82), (87), (92), (93), (96), (98), (99), (100), (105), (107), (111), (113), (114), (117), (119), (121), (122), (124), (129), (132), (134), (139), (140), (145), (148), (151), (156), (157), (161), (165), (166), (169), (172), (174), (176), (177), (179), (181), (185), (186), (190), (191), (192), (195), (196), (197), (200), (201), (202), (203), (206), (207), (208) в списке “Пословицы из состава «основного паремиологического фонда» русского языка” (см. раздел “Материалы” настоящего сборника на стр. 261 – 270).

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально-культурная семантика языковых афоризмов // *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [1973]. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1990.

Даль В.И. Пословицы русского народа [1861–1862]: В 2 т. – М., 1984.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [1966]. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1991.

Иванов Е.Е. “Основной паремиологический фонд” русского языка и его соотношение с “паремиологическим минимумом” // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (Варна, Болгария, 17–23 сентября 2007 г.): В 7 т. – София, 2007. – Т. 2: Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – С. 152–156.

Иванов Е.Е. О “паремиологическом минимуме” и “основном паремиологическом фонде” русского языка // *Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich / Red. J.F. Nosowicz, K. Budrowska.* – Białystok, 2002. – Т. VIII. – S. 87–94.

Іваноў Я.Я. Да праблемы вызначэння асноўнага парэміялагічнага фонду беларускай мовы // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. – 2006. – № 3. – С. 103–109.

Крикман А. Парэмиологічныя эксперыменты Г.Л. Пермякова // Малыя формы фольклора: Сб. статей памяці Г.Л. Пермякова. – М., 1995. – С. 338–382.

Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок = 300 общоупотребителни руски пословици и поговорки: Для говорящих на болгарском языке. – М. – София, 1986.

Пермяков Г.Л. Основы структурной парэмиологии. – М., 1988.

Повѣсти, или Пословицы всенароднѣйшыя по алфавиту // Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII–XIX столѣтій / Собралъ и приготовилъ къ печати П. Симони. – СПб., 1899. – Вып. 1 (I–II). – С. 73–162.

Русскія народныя пословицы и притчи, изданныя И. Снегиревымъ с предисловіем и дополненіями. – М., 1848.

Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М., 1961.